

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ

А.В. Винников

ПОЛИЦЕЙСКИЙ И СУДЕБНЫЙ ПЕРЕВОД. СЛОВО В ЗАЩИТУ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Часть 1 ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПЕРЕВОД И ЕГО ЯЗЫКИ. ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

У российских специалистов нет единства мнений о том, что такое полицейский и официальный перевод, как его организовывать, какие требования к нему предъявлять, кто может быть переводчиком. Подражатели Запада (в число которых попали и некоторые члены Госдумы!) требуют, с целью «защиты государственных интересов и прав человека, повышения качества перевода и экономии средств федерального бюджета», учреждения особого института присяжных переводчиков — как правило, дипломированных специалистов, — которые аттестуются и лицензируются уполномоченными **государственными** органами или состоят в профессиональных саморегулируемых организациях (СРО), готовить их в государственных ВУЗах и финансировать подразделения переводчиков в структуре МВСД **за счет федерального бюджета**. Однако нам не удалось найти серьезных аргументов в подтверждение этой точки зрения.

В работах автора¹, показано следующее:

1) В зависимости от цели применения судебно-полицейский перевод разделяется на два вида:

а) перевод как средство добычи доказательств (далее также — вид А, перевод А).

б) перевод как средство обеспечения конституционного права гражданина знать, в чем его обвиняют (далее также — вид Б, перевод Б); нормы права, регламентирующие оформление письменного перевода вида Б, отсутствуют;

Разница между этими видами принципиальна, ее не учет может даже привести к неправосным решениям судов и освобождению подсудимых.

2) письменный перевод вида Б процессуального документа, написанного на русском языке, не считается процессуальным документом, так как прямого указания закона на процессуальную форму письменного перевода Б нет;

3) письменный перевод Б процессуального документа, написанного на русском языке, не имеет юридической силы. Письменный перевод Б сам процессуальным документом не является, установленный порядок его оформления отсутствует, значит, юридической силы у рассматриваемого акта нет;

4) субъектами договоров о возмездном оказании переводческих услуг должны выступать три лица: судебно-переводческая организация, оказывающая услуги, плательщик или заказчик услуг — учреждение, управляющее правоохранительными органами, и потребитель услуг — процессуальное лицо, которое выносит постановление или определение о привлечении переводчика (следователь, судья или дознаватель);

5) целью перевода Б является только соблюдение прав человека, а предметом конкурсов и тендеров, согласно диспозиции Закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ или иных актов, регламентирующих государственную контрактацию, выступает заключение договоров для удовлетворения государственных и муниципальных нужд; поэтому **производство государственных конкурсов и тендеров с целью оказания возмездных услуг по переводу Б недопустимо**;

6) В уголовной практике России наиболее востребованы не иностранные, а иные языки (народов России и СНГ), переводчиков которых не готовит система образования РФ; чаще всего возникает потребность в переводчиках многочислен-

¹ См.: Винников А.В. Судебный перевод и судебно-переводческие организации // Российский юридический журнал. — 2012. — №2. — С. 167.

ных дагестанских языков, цыганских диалектов, чеченского, ингушского, армянского, грузинского, таджикского, кыргызского, узбекского, персидского и молдавского языков; судьи, дознаватели и следователи не могут проверить компетенцию переводчиков, поскольку сами не владеют соответствующим языком, а переводчики не могут иметь документов об образовании, подтверждающем их квалификацию;

7) в судебной и следственной практике часто встречаются случаи злоупотребления правом со стороны подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, которые склонны препятствовать окончанию процесса в разумные сроки на основании вымышленных причин, связанных с их неудовлетворенностью предоставленными им услугами переводчиков; в этих случаях необходимы мотивированные решения, принятые процессуальными лицами после консультаций с СПО;

8) представляется целесообразным сосредоточить предоставление услуг судебного и полицейского перевода в специализированных негосударственных судебно-переводческих организациях, которые располагают необходимым персоналом, специальными знаниями и навыками, опытом и авторитетом, могут обеспечить своевременное прибытие переводчика в место проведения процессуальных действий и гарантировать соответствие квалификации переводчика установленному стандарту;

9) в подтверждение правоспособности судебно-переводческой организации, рекомендуется аккредитовать ее при соответствующем органе юстиции — потребителе услуг перевода, а в подтверждение правомочности переводчика СПО должна выдавать ему собственное удостоверение для предъявления по месту требования;

10) плательщики по договорам с судебно-переводческими организациями — государственные органы дознания и следствия — не имеют право требовать от СПО предоставления им конфиденциальной информации — персональных данных физических лиц — переводчиков, трудовых договоров с ними и т.п.

Эти рекомендации могут способствовать решению некоторых, но не всех проблем судебно-полицейского перевода. Остается еще, по меньшей мере, установить, каков же стандартный предел компетенции переводчика, как и где их следует готовить.

Совершенно необходимым является исследование зарубежного опыта и его сопоставление с

российскими реалиями, которое позволит дать объективную оценку предложений и ответить на иные насущные вопросы, например, о целесообразности государственной сертификации полицейских переводчиков и о том, до какой степени зарубежный опыт может служить для нас образцом. Обращение к зарубежному опыту и теории имеет резон еще и потому, что сегодня, в эпоху глобализации, объективные условия проявления тех или иных социальных и экономических феноменов и сами их явления имеют много общего. Например, кризисные явления в Европе сближают уровень жизни европейцев и россиян. Тенденции к полному обеспечению прав человека сближают уголовно-процессуальные законы различных стран по духу и букве.

Выводы из исследования зарубежного опыта свидетельствуют о том, что не все так плохо в этом отношении в нашем богоспасаемом отечестве и что, будь реализованы упомянутый выше призывы о бездумном копировании этого опыта на территории РФ, мы бы неизбежно почувствовали удар тех же граблей, которые уже прошли по лбам наших иностранных коллег.

1. Криминальная лингвосфера и переводчики

В целях моделирования лингвистической среды судебного и полицейского перевода можно использовать понятие лингвосферы, по Д. Долби. В его понимании лингвосфера, аналогично ноосфере Т. де Шардена, — это живая глобальная среда — единое множество форм человеческого общения — письменного, устного и знакового, настоящего и прошлого. Лингвосфера представляет собой самое коллективное и фундаментальное из созданий человечества. В ходе исторического развития лингвосфера прошла путь от «закрытого множества» культурных общностей до современного подвижного мультикультурного «открытого множества», характеризующегося взаимным проникновением языков и культур в результате интенсивной миграции и развития глобальных средств коммуникации. В структуре лингвосферы есть «фундаментальные» и «артериальные» языки, на которых говорят соответственно больше одного миллиона и больше десяти миллионов человек, причем среди последних 14 «гео-артериальных» языков, на каждом из которых говорят более 100 млн. человек. Самые распространенные языки — китайский и английский. Вместе с тем, **90% из 7000 существующих на сегодняшний день**

языков ограничены малыми этносами. Языки с распространением до 500000 человек называют «первичными»

Лингвосфера крайне неоднородна в линейном измерении, то есть географически: ее структура почти гомогенна, например, на просторах Китая, и пестра на территории Африки².

Институт судебно-полицейского перевода можно считать средством искусственного сглаживания неоднородности лингвосферы с целью осуществления правосудия. Правосудие интересуется криминализованная часть лингвосферы, т.е. языки девиантных этнических групп. В качестве примера локальной характеристики криминальной лингвосферы можно привести данные учетов частот обращений по языкам в Бюро переводов при районном суде Южного района Нью-Йорка за период с 1 июня 2001 г. по 20 апреля 2011 г. Всего зарегистрировано 61566 обращений за 65 языками и диалектами. Среди них число обращений за языками: испанским — 49052; китайским — 5537; русским — 1383; арабским — 1191; корейским — 595. Языки французский, урду, пенджаби, иврит, пушту, албанский, сомалийский, бенгальский, португальский, турецкий, немецкий требовались от 450 до 100 раз. Языки итальянский, греческий, японский, вьетнамский, индонезийский, персидский, украинский, литовский, тайский и ряд других использовались от 100 до 1 раза. В среднем нью-йоркская организация оказывает услуги устного и письменного судебного перевода 470 раз в месяц на 18 языках³. В этой статистике количество наименований «первичных» языков малых народов значительно больше, чем «фундаментальных» и «артериальных» языков.

Группа канадских специалистов⁴ отмечает, что **спрос на языки полицейского перевода является волнообразным.** Например, ранее пользовался большим спросом тамильский язык. Воевали между собой две большие этнические устойчивые криминальные группировки. Затем преобладал спрос на пенджабский язык и урду, а также вьет-

намский и румынский. Некоторые языки почти не требуются в определенный период, а затем спрос резко возрастает. Так было в Канаде с немецким и венгерским, армянским и албанским языками. Наблюдается падение спроса на переводчиков арабского, испанского и итальянского языков. Сегодня они также нужны, но значительно меньше⁵. **Структурную неустойчивость спроса на языки перевода подтверждает опыт автора 2003-2011 гг.** по обслуживанию 90% всей потребности в переводах для правоохранительных органов, в основном, Ростовской области и Северного Кавказа. Лица, ходатайствующие о предоставлении им переводчика (фигуранты по уголовным делам) — по преимуществу граждане России не титульной национальности или граждане стран СНГ и ближнего зарубежья. Структура наименований и частота применения языков судебного перевода отражает национальный состав страны и протекающие в ней миграционные процессы, а в криминологическом смысле — этническую сторону преступности, и миграционную политику государства. Сравнение мировой практики судебного перевода с эмпирическими данными о судебном переводе в России доказывают единство характерных признаков криминальной лингвосферы.

Часть языковой структуры перевода для правоохранительных органов находится в динамике, отражающей изменчивость миграционных процессов и миграционной политики в Российской Федерации. Это видно на примере разнонаправленности наблюдаемого изменения во времени частотности обращений к специализированной организации за китайским и кыргызским и узбекским и таджикским переводом. Например, наблюдаемое уменьшение частот обращений за языками персидским (фарси) и дари отражает не этнокриминологическую динамику, а обусловленное внешнеполитическими обстоятельствами простое снижение количества обращений граждан Афганистана в органы Федеральной миграционной службы по вопросу предоставления им статуса беженцев вследствие ужесточения в этом отношении миграционной политики российского государства. По неизвестным причинам в последнее время уменьшилось число обращений за цыганским языком перевода⁶.

⁵ Там же.

⁶ См.: Винников А.В. Особенности судебного перевода с цыганского языка // Уголовный процесс. — 2012. — № 6. — С. 48; Винников А.В. Проблематика и практика судебного перевода цыганского языка по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков // Наркоконтроль. — 2012. — №1. — С. 31.

² David Dalby's paper "Language Diversity in the Cyber Age", presented to the MAASA World Language Diversity Network by David & Christopher Dalby. Linguamón Barcelona & UNESCO Paris, 19th-22nd February 2007. portal.unesco.org/.../11731702881Dalby_L...

³ 2. United States District Court, Southern District of New York, http://sdnyinterpreters.org/faq.php#faq_28

⁴ Christine Viens, Georges L.Bastin, Solange Duhamel et Roselyne Moreau. L'accréditation des interprètes judiciaires au Palais de justice de Montréal <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=1'accr%C3%A9ditation%20des%20interpr%C3%A8tes%20judiciaires%20a>

Такая неустойчивость не позволяет прогнозировать потребность в полицейских переводчиках для их подготовки. Есть и постоянная часть российской криминальной лингвосферы. В нашем случае это языки армянский, азербайджанский, грузинский, ингушский, чеченский и некоторые дагестанские. Как нам представляется, относительное постоянство потребности в этих языках отражает тот факт, что персональный состав этнических преступников — не внешние мигранты типа «гастарбайтеров», а внутренние мигранты — российские граждане или даже коренные жители России соответствующих национальностей. При этом структура запросов на судебный перевод отражает специализацию криминально-девиантного поведения соответствующей этнической группы.

Одно из первых упоминаний о судебных переводчиках содержит Уголовно-процессуальный закон Королевства Испания 1882 г.: Переводчики выбираются из учителей языка или из любых лиц, понимающих язык. Похожее положение вошло в современный УПК Испании: **переводчиком может быть любое лицо, знающее язык, предварительно принявшее на себя обязательство об ответственности за заведомо неправильный перевод.**

Испанский присяжный судебный переводчик Фернандо Гаскón (псевдоним «Присяжный гасконец») отмечает, что в стране существует саморегулируемая организация «ASETRAD» — Испанская ассоциация письменных переводчиков, корректоров и устных переводчиков, — и комиссия при Министерстве иностранных дел, присваивающие желаемое звание присяжных переводчиков. Однако спроса на таких переводчиков почти нет⁷.

Ана Арривас Абеледо, исследуя судебный и полицейский перевод в Барселоне, не обнаружила среди переводчиков около 110 ежедневно проходящих с их участием судебных заседаний во Дворце Юстиции Каталонии ни одного испанца. Наибольшим спросом там пользуются языки: румынский, урду и арабский. Европейские языки требуются редко, кроме диалектов французского и английского, на которых часто говорят коренные жители бывших африканских колоний. Встречаются грузинский, русский, армянский, литовский, сербо-хорватский, боснийский и нидерландский языки, иногда — редкие и экзотические языки: волоф, мандинго, суахили, пен-

джаби, берберский, и т.д. Любой переводчик приносит перед началом судебного заседания присягу о верности перевода⁸.

В США судебные переводчики официально делятся на категории:

а) сертифицированные — переводчики испанского языка, языка навахо (местных индейцев) и креольского гаитянского языков, прошедшие сертификационный экзамен в Административном офисе Федерального Суда США по утвержденным государственным программам сертификации письменного и устного перевода.

б) профессионально квалифицированные — переводчики иных языков, имеющие опыт работы на конференциях и сдавшие экзамен устного перевода или состоящие в специализированной организации переводчиков типа СРО, прошедшие 50-часовой курс юридической подготовки и представившие рекомендации трех переводчиков того же языка.

в) владеющими языком признают лиц, продемонстрировавших суду способность успешно переводить с/на иной язык.

В случае необходимости привлечения в процесс переводчика редкого языка, Руководство по судебной политике США, том 5, §420.40, разрешает судам обращаться к услугам переводческих агентств. **Перед началом судебных заседаний переводчик дает обязательство под присягой о правильном переводе**⁹. Обязательность присяги переводчика перед началом процесса лишает смысла существование так называемых «присяжных переводчиков»¹⁰. Собственно термин «присяжный переводчик» происходит из Германии. Здесь, несмотря на богатую историю судебного перевода — свыше 60 лет — до сих пор нет единого закона о нем на федеральном уровне. Разрозненные нормативные акты существуют только в некоторых федеральных землях ФРГ. Судебные и полицей-

⁷ Fernando A. Gascón. Una breve radiografía de la interpretación judicial en España. // La linterna del traductor. número 6. Diciembre del 2011. <http://www.lalinternadeltraductor.org/n6/interpretacion-judicial.html>.

⁸ Ana Arribas Abeledo. La interpretación judicial: El interprete de la Ciutat de la justicia. Trabajo académico de cuarto curso. Universidad Pompeu Fabra. Facultad de traducción e interpretación. Dirigido por Julie Boerie. Junio 2011. 48 P. <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=Ana-Arribas-...>

⁹ Federal Court Interpreters. <http://www.uscourts.gov>

¹⁰ Предпочтение присяги подписке об ответственности за заведомо ложный перевод не выдерживает критики: присяга подразумевает религиозную и гражданскую составляющую (см., например, Леонтьева О.Г. о проблеме получения личных доказательств при разбирательстве гражданских дел в России, Англии и США // «Законодательство». №12. 2010. С. 70-72), которых могут быть лишены переводчики — «носители языка», например, не граждане РФ и мусульманского вероисповедания.

ские переводчики в разных федеральных землях называются присяжными, общественными, уполномоченными и т.д.

Они принимают на себя обязательство сохранения конфиденциальности и должны соответствовать установленным квалификационным требованиям.

В Баварии принят Закон о переводчиках, предусматривающий их публичное привлечение в процесс и поголовное приведение к присяге. Переводчики для полицейских, судебных и официальных нужд сдают экзамен — государственный или приравненный к нему, — присягают и дают обязательство о неразглашении ставшей известной им конфиденциальной информации¹¹.

§ 1 (1) Саксонского закона о переводчиках от 16 июня 1994 г. гласит: в земле Саксония судебные переводчики устные и письменные — приносят присягу. Предпосылки приведения к присяге — личная надежность и профессиональная пригодность, полученная в результате профессиональной подготовки и подтвержденная дипломом или государственным экзаменом. Экзамены присяжных и судебных переводчиков принимаются в девяти федеральных землях ФРГ, причем в земле Гессен — по 31 языку и по редким языкам и диалектам. В числе языков — амхарский, вьетнамский, фарси, индонезийский, турецкий, русский, монгольский, боснийский, тайский и др.

В то же время, профессия устного и письменного переводчика в ФРГ не лицензируется. Поэтому дилетанты, владеющие иностранными языками, также могут привлекаться судами и полицией к работе в качестве переводчиков¹².

Перевод при полицейских допросах понимается как составная часть институционализированной коммуникации. Председатель объединения присяжных переводчиков г. Лейпциг (ФРГ) Ирина Истомина печально констатирует, что еще в 1999 г. в Германии из 2.263.140 правонарушений 26,6% (601221) было совершено не-немцами. Она указывает на распространённость выбора переводчика полицией децентрализовано на местах, часто через бюро переводов. Полицейские переводчики могут оказаться не присяжными, каждый и без того дает подписку об ответственности за заведомо неправильный перевод. Рассматривая новизну

положения, возникшего в результате сотрудничества процессуальных лиц с агентствами переводов, И.Истомина делает важный вывод о том, что **«уже не может быть речи о «привлечении» переводчика в смысле процессуального закона, т.к. сама процессуальная задача привлечения специалиста-переводчика делегируется в область коммерческих отношений»**¹³. Этот вывод совпадает с нашей оценкой современных взаимоотношений судебно-переводческих организаций и органов управления правоохранительной системой России¹⁴.

Законодательство Французской Республики закрепляет процессуальный статус судебных переводчиков как судебных **экспертов**. Все они официально числятся в Национальном реестре судебных экспертов, к которому рекомендуется обращаться судам. Однако эксперты-переводчики оказываются недоступны гражданам в простых правовых ситуациях. В одном из циркуляров МВД Франции пояснено, что при задержании гражданина, ознакомить его с его правами и обязанностями можно на языке, который он понимает, не обязательно на его родном, особенно если речь идет о редком языке. Например, албанец должен понимать итальянский, а турок — немецкий языки. Отказ задержанных лиц подписать протоколы об ознакомлении с их правами юридически ничтожен, если установлено, что они понимают иной язык. Таким образом, требования уголовно-процессуального кодекса к переводу не распространяются на первичный протокол задержания. Привлеченный полицией переводчик не должен давать никаких подписок. Могут использоваться бланки протоколов, выпущенные Минюстом Франции на многих языках. Допускается пользоваться переводом в режиме видеоконференции или по телефону. Процессуальный Закон Франции не требует обязательного обращения к эксперту-переводчику из Национального реестра, **допуская привлечение в качестве переводчика любого компетентного лица**¹⁵.

В Великобритании существуют несколько реестров добровольных объединений переводчиков. В Национальном регистре переводчиков для общественных нужд (NRPSI) свыше 2350 переводчиков

¹¹ Bender Jennifer. Gerichtsdolmetscher und Urkundenübersetzer. <http://www.leginda.de/leginda-blog-komplettansicht/items/gerichtsdolmetscher-und-urkundenubersetzer.html>

¹² Infoblatt über die Heranziehung von Dolmetschern durch Polizei-behörden. <http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=%20%20infoblatt%20%20C3%BCber%20die%20heranziehung%20von%20>

¹³ Irina Istomina. Wenn Laien dolmetschen // Deutsche Polizei. Heft 12. 2000.

¹⁴ Винников А.В. Практические аспекты участия переводчика в уголовном процессе // Уголовный процесс. — №1. — 2012. — С. 60-66.

¹⁵ Bulletin officiel du Ministère de la justice n° 85 (1er janvier — 31 mars 2002) <http://www.justice.gouv.fr/bulletin-officiel/dage85d.htm>.

101 языка, имеющих минимальный уровень профессиональной подготовки. Членство платное: взнос вступительный безотзывный с одного лица за 1 язык £198 (в т.ч. НДС). За каждый последующий язык £34. Большинство членов Ассоциации полицейских и судебных переводчиков одновременно состоят в NRPSI, приведены к присяге, проверены официальными инстанциями. Есть и иные публичные переводчики. Многие состоят в Институте лингвистов или Институте устных и письменных переводчиков¹⁶.

Министерство юстиции Канады в 1999г. выпустило руководство по судебному переводу, содержащее юридическую, деонтологическую, методическую и лингвистическую части. В руководстве содержатся вопросы для экзамена кандидатов в судебные переводчики. С тех пор Минюст проводит экзамены переводчиков и сурово их отсеивает. В результате на Большой Торонто, где проживает 1,4 миллионов человек, которые не говорят ни по-английски, ни по-французски, имеется всего 73 **аккредитованных** и 112 **условно аккредитованных** судебных переводчиков. Из них только 2 переводчика португальского языка, один — итальянского, и один — мандаринского наречия китайского языка. Ни одного — корейского, турецкого, филиппинского, кхмерского, тамильского, пенджабского, африканских языков. В 2000-2001 гг. при Минюсте работали более 200 переводчиков письменных и устных, аккредитованных и не аккредитованных (которые вполне допускаются к судебным заседаниям и предварительному следствию канадским УПК!). Служба переводчиков Минюста Канады предоставляет переводчиков более 60 языков и диалектов. Тем не менее, судьи буквально дерутся за переводчиков^{17, 18}.

Студент факультета права Монреальского университета Ванг Гуоцэнг¹⁸ с мудрой непосредственностью выразил свое удивление канадской системой судебного перевода: **В Канаде и Квебеке система юстиции фактически не может проверить компетентность переводчика в процессе. Это заставляют делать судей, что невозможно по определению.** О том же пишут Кристин Вьенс

и др.¹⁹ Они уточняют, что не судья должен убедиться в компетенции переводчика и его соответствии требованиям незаинтересованности и т.д. На самом деле это задача канадского Минюста, который поставляет переводчиков в суды. В данном случае Минюст выступает в роли того, что по нашему определению, является судебно-переводческой организацией с различием только в форме собственности. Аналогична российская проблема проверки компетентности переводчика на предварительном следствии и необходимость передать ее в компетенцию судебно-переводческой организации²⁰.

В связи с широкой практикой привлечения непрофессионалов, австралийские юристы К. Ластер и В. Тэйлор²¹ указывают на один «подводный камень» при использовании двуязычных граждан как переводчиков: узкие этнические группировки могут уклоняться от сотрудничества с правосудием. Подобная проблема существует в России. Представители ряда малых народов (цыгане, дагестанцы и др.), с большим трудом соглашаются оказать услуги переводчиков правоохранительным органам²².

Аккредитованными в Австралии считаются лица, числящиеся в реестрах следующих организаций:

1. Национальный государственный офис по аккредитации письменных и устных переводчиков. (NAATI). 2. Австралийский институт письменных и устных переводчиков (AUSIT) (национальное профессиональное объединение переводчиков)²³.

При отсутствии аккредитованных переводчиков, Инструкция Федерального Магистратного суда Австралии по политике в области судебного перевода допускает привлечение в уголовный процесс по контракту не аккредитованных переводчиков. Суд заказывает переводчика из любого источника, который целесообразен по затратам и по времени переводчика в пути. Предварительно сотрудники суда должны убедиться, что переводчик правильно

¹⁶ National Register of Public Service Interpreters (NRPSI) // <http://www.nrpsi.co.uk/index.php>.

¹⁷ Christine Viens, Georges L. Bastin, Solange Duhamel et Rose-lyne Moreau. L'accréditation des interprètes judiciaires.

¹⁸ Peter Small. Court interpreter shortage nears crisis. Published On Fri, 28 Jan 2011. <http://www.thestar.com/news/crime/article/930002--court-interpreter-shortage-nears-crisis>.

¹⁹ Christine Viens, Georges L. Bastin, Solange Duhamel et Rose-lyne Moreau. L'accréditation des interprètes judiciaires.

²⁰ Винников А.В. О привлечении переводчиков в судебный процесс // Судья. – №6. – 2012. – С. 50-54.

²¹ Kathy Laster and Veronica L. Taylor. Interpreters & the legal system // Published in Sydney, The Federation Press Pty Ltd 1994, 287 p.p. ISBN 1 86287 130 2.

²² Винников А.В. Проблематика и практика судебного перевода цыганского языка по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков.

²³ Scheherazade Rogers. T&I Labour Market in Australia. http://www.ling.mq.edu.au/translation/lmtip_australia.htm.

понимает свою роль, что нет конфликта интересов, и что он будет сохранять тайну. Не допускается отказывать гражданам в переводчике по причине отсутствия финансирования²⁴.

В Австрии судебные переводчики являются членами Австрийского объединения присяжных и сертифицированных судебных переводчиков (Österreichischer Verband der allgemein beeideten und gerichtlich zertifizierten Dolmetscher). Для внесения в профессиональный реестр, переводчику необходимо доказать: профессиональные знания, полную дееспособность, честность, знание правил поведения в суде; опыт работы. Размер взноса за сдачу сертификационного экзамена 345,92 €, если членов комиссии более трех, за каждого последующего 86,48 €. Аттестация в первый раз дается на 5 лет, затем — на 10 лет. **Вместе с тем, в австрийский уголовный процесс могут привлекаться нештатные специалисты и переводчики**²⁵, что является не исключением, а правилом. Национальный процессуальный закон не прописывает подробно роль переводчика и не ограничивает его права, а действующий в Австрии закон об экспертах и переводчиках не определяет разрешительного принципа их деятельности; прописана только присяга переводчика и порядок его привлечения²⁶.

Библиографический список:

1. Винников А.В. Судебный перевод и судебно-переводческие организации // Российский юридический журнал. — 2012. — № 2.

References (transliteration):

1. Vinnikov A.V. Sudebnyy perevod i sudebno-perevodcheskie organizatsii // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2012. — № 2.

Продолжение следует в следующем номере

Всего в Австрии насчитывается более 1400 присяжных и судебных сертифицированных переводчиков по 49 языкам. Однако по некоторым языкам аккредитованных судебных переводчиков не хватает или вовсе нет. Например, есть только один официальный переводчик грузинского языка на всю Австрию. Нет многих африканских и азиатских языков. Нет переводчиков в системе исполнения наказаний, т.к. на это не предусмотрено бюджетного финансирования²⁶.

Сделанный нами анализ указывает на следующее: Во всех обследованных странах существует институт присяжных, судебных, сертифицированных, аккредитованных и т.п. переводчиков. Но многообразие и неустойчивость номенклатуры требуемых языков перевода в национальной уголовной практике обуславливает невозможность обращения системы полицейских властей только к ним. Уголовно-процессуальные законы всех стран допускают привлечение в уголовный процесс в качестве переводчиков любых лиц, владеющих одновременно иным языком, которым владеет и подозреваемый (обвиняемый или подсудимый), и национальным языком судопроизводства соответствующего государства, что находит применение на практике.

²⁴ Federal Magistrates Court Interpreter and Translator Policy. <http://www.fmc.gov.au/services/html/interpreters.html>.

²⁵ Dolmetschen im Asylverfahren. Handbuch // Bundesministerium für Inneres der Republik Österreich. Druckerei Berger, Wiener Straße 80, 3580 Horn. 1. Auflage, 2006.

²⁶ Mangel an qualifizierten Dolmetschern. //Polizei und Justiz. 04.10.2006. <http://oesv1.orf.at/stories/141284>